

На вопросы редакции отвечает
доктор юридических наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики»
Александр Петрович СЕРГЕЕВ

К ТРЕБОВАНИЯМ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ДОЛЖНА ПРИМЕНЯТЬСЯ ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ

Специалист по гражданскому праву и праву интеллектуальной собственности. Преподавал в СПбГУ. В настоящее время преподает гражданское право и право интеллектуальной собственности в НИУ ВШЭ. Занимает должность старшего советника в юридической фирме *Dentro*.

Автор более 200 работ по гражданскому праву. Неоднократно выступал в судах различных инстанций, включая Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ, в качестве представителя стороны и эксперта.

— Моральный вред — весьма абстрактная конструкция. Его не увидишь, не измеришь, симуляцию не докажешь. Должно ли право в принципе вмешиваться в душевный мир людей?

— В душевный мир людей право, конечно, вмешиваться не должно. Согласен с Вами в том, что моральный вред — понятие достаточно тонкое, оценочное и субъективное. Но это обстоятельство не может служить непреодолимым препятствием для создания пусть и не очень совершенного и не всегда эффективного механизма защиты от неправомерных посягательств на нематериальные блага и права человека.

— На днях в Сети появилась информация о том, что сын известного парикмахера Сергея Зверева подал иск с требованием выплаты компенсации за испорченное детство, поскольку отец причинил ему психическую травму, водя на вечеринки

в стиле Пи Дидди¹. По сути, он требует компенсацию морального вреда. Как Вам кажется, допустимы ли такие иски в российском правопорядке?

— На Западе такие иски встречаются нередко. Думаю, в таких случаях могут быть основания для взыскания морального вреда, если будет убедительно доказано, что он был причинен.

— Разве не является моральный вред сопутствующим при каком-то ином правонарушении? В данном случае отец ничего противозаконного не делал. Получается, что моральный вред существует как бы сам по себе?

— Я считаю, что Вы не совсем правы в своих рассуждениях. В данном случае моральный вред взыскивается за конкретное поведение отца при выполнении им родительских обязанностей, которыми он мог злоупотреблять или не выполнять их надлежащим образом. Поэтому в таком случае взыскивать моральный вред допустимо.

— Не расширяем ли мы таким образом чрезмерно границы морального вреда? Ведь тогда его можно будет взыскивать за «косой взгляд»?

— В основе права на компенсацию морального вреда лежит нарушение различных неимущественных, личных прав и благ. Этих прав и благ достаточно много, но о многих из них мы даже не подозреваем. Я понимаю Ваши опасения, но думаю, что осознание того, что этих прав много и их можно защищать — это благо для права.

— Не станут ли такие иски массовыми, если допустить такую возможность?

— Я согласен, что материя очень тонкая, во многом оценочная и субъективная, но вообще в основе таких исков лежит деликт. Деликт — это причинение вреда хоть имуществу, хоть личным неимущественным

благам, и поэтому право, конечно, должно на этот деликт реагировать. Сомневаюсь, что таких исков будет много. Сейчас уже появляются иски о компенсации морального вреда в случаях, которые еще лет 30 назад встретить было невозможно: из-за смерти близких, гибели домашних животных, неправильного лечения и т.п. Мне кажется, мы идем в правильном направлении в отношении вопросов компенсации морального вреда.

— Почему это движение по расширению оснований для компенсации морального вреда началось сейчас?

— По факту право на компенсацию появилось у нас только в 1991 году, а до этого нематериальные блага и права человека не считались значимыми с правовой точки зрения. Даже и сейчас, если посмотреть на нормы закона, которыми урегулировано это право, то слезы наворачиваются. Всего пара статей, хотя за это время уже были защищены несколько докторских диссертаций по этой теме, М.Н. Малеиной и Л.О. Красавчиковой, но их выводы и предложения не нашли отражения в законодательстве.

— Могли бы Вы в общих чертах рассказать об истории становления такого правового института, как моральный вред? Был ли похожий институт в римском праве, например? Когда он появился в зарубежных правопорядках, в России?

— Попробую рассказать об этом кратко, хотя это и трудно. Право на возмещение причиненного морального вреда присутствовало уже в римском праве, хотя наверняка оно встречалось и в более ранних правовых системах. В частности, в Законах XII таблиц, первом писаном своде римских законов, говорилось о трех формах посягательств на физическую неприкосновенность — от самого тяжелого, за которое допускалась месть по принципу талиона, т.е. возможности причинения равноценного вреда виновному лицу, вплоть до убийства, до наименее тяжкого, типа легких побоев, за которое в пользу потерпевшего уплачивался штраф в конкретном размере. В дальнейшем штрафы стали присуждаться за посягательства и на нематериальные блага, в частности честь и достоинство, а сами размеры штрафов уже не фиксировались в законе, а определялись претором с учетом тяжести нанесенного оскорбления.

¹ См.: Короткова Е. Сын Сергея Зверева хочет отсудить у шоумена 25 млн рублей за испорченное детство // Газета.Ru. 2025. 28 марта. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/03/28/25417400.shtml> (дата обращения: 12.05.2025).

В странах Западной Европы, законодательство которых опиралось на римские традиции, институт компенсации морального вреда тоже первоначально основывался на римском праве. При этом он достаточно долго оставался в неразвитом состоянии и стал относительно полноценным лишь к середине XIX века.

Что касается становления данного института в отечественном праве, которое развивалось самостоятельно, то современные исследователи обнаруживают его зачатки уже в Русской Правде, первом своде законов Древней Руси. Хотя основным способом возмещения морального вреда в нем признавалась кровная месть (например, за убийство или побои потерпевший или его родственники могли причинить такой же вред виновному). Но потерпевший мог отказаться от права на совершение кровной мести в пользу уплаты штрафа, размер которого зависел от тяжести нанесенной обиды.

В дальнейшем отдельные нормы, связанные с компенсацией морального вреда, можно обнаружить почти во всех основных памятниках отечественного права: в Судебнике Ивана III 1497 года, запретившем кровную месть и впервые предусмотревшем право защищать свою честь и достоинство в суде; в Судебном уложении 1649 года, подтвердившем право подавать частные гражданские иски за преступления против личности, например за оскорбление. Размер компенсации определялся в зависимости от социального положения правонарушителя.

Дальнейшее развитие институт компенсации морального вреда получил в законодательстве Российской Империи. В частности, в 1851 году в Своде законов были предусмотрены конкретные случаи, когда можно было взыскать штраф за нарушение неимущественных прав. Например, за обиду или оскорбление был установлен штраф, взыскиваемый в пользу потерпевшего, в размере от 1 до 50 руб.; была введена компенсация за незаконное осуждение и т.д.

В конце XIX века, когда началась работа над кодификацией гражданского законодательства, среди российских правоведов развернулась дискуссия о допустимости денежной компенсации морального вреда. Многие видные ученые, в частности Г.Ф. Шершеневич и Л.И. Петражицкий, были категорически против введения такой компенсации, полагая, что моральный

вред нельзя оценивать в деньгах, поскольку это нанесет вред нравственности и т.п. Но были и явные сторонники денежной компенсации морального вреда, в частности С.А. Беляцкин и И.А. Покровский, которые доказывали, что недостаточно наказывать за нарушение нематериальных благ лишь в уголовном порядке, ссылались на зарубежное законодательство и т.д.

В итоге в проект Гражданского уложения все-таки была включена норма, позволяющая в некоторых случаях, например при телесном повреждении или при лишении свободы, требовать компенсации нравственного вреда.

В советский период развития отечественного гражданского права вопрос о допустимости денежной компенсации морального вреда, который еще вяло дискутировался в 20–30-х годах XX века, постепенно сошел на нет. Практически все ведущие советские цивилисты если и касались этого вопроса, то лишь в ключе критики западного законодательства, которое допускало денежную оценку нанесенных обид.

Первым законом, который допустил взыскание денежной компенсации за причинение морального вреда, стал Закон СССР от 12 июня 1990 года «О печати и средствах массовой информации». Там говорилось о возмещении морального вреда, причиненного в результате распространения средствами массовой информации не соответствующих действительности сведений, которые порочат честь и достоинство гражданина, причиняют ему вред (ст. 39). Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 года не только определили понятие морального вреда, но и расширили сферу данного деяния, предусмотрев, что моральный вред может быть взыскан не только со СМИ, но и с любого причинителя вреда, посягающего как на нематериальные, так и материальные блага.

С принятием части первой ГК РФ в 1994 году право на компенсацию морального вреда было закреплено ст. 151 ГК РФ, а в дальнейшем развито в ст. 1099–1101 части второй ГК РФ в качестве специального деяния. С момента принятия эти нормы существенно не менялись, хотя, конечно, они далеко не идеальны и нуждаются в совершенствовании. Помимо этого, о компенсации морального вреда упоминается еще в дюжине законов, в частности в Трудовом, Семей-

ном и Уголовно-процессуальном кодексах, Законах о СМИ, об информации, о персональных данных, о рекламе и др.

Немалую роль в рассматриваемой сфере имеют разъяснения, сделанные на сей счет Конституционным Судом РФ, который несколько раз оценивал нормы о компенсации морального вреда на предмет их соответствия Конституции РФ, и Верховным Судом РФ, который уже дважды принимал постановления о судебной практике по компенсации морального вреда.

— Есть ли сегодня какие-то принципиальные различия в подходах к компенсации морального вреда в разных юрисдикциях? Какие решения Вам кажутся наиболее удачными?

— Правила о компенсации морального вреда содержатся в праве всех цивилизованных государств. Но подходы к его возмещению являются разными. Наиболее разнятся между собой в этом отношении страны общего и континентального права. Так, в ангlosаксонском праве выделяется большое количество конкретных исков, связанных с причинением различного вреда, повлекшего нравственные страдания и переживания. Кроме того, свой отпечаток на компенсацию морального вреда накладывает прецедентная система права, при которой случаи и размер компенсации такого вреда во многом определяются уже принятыми судебными решениями. В Англии, США, Новой Зеландии и некоторых других странах возмещение морального вреда, причиненного преступлениями против жизни и здоровья граждан, осуществляется из специальных фондов, формируемых за счет штрафов, взыскиемых с правонарушителей.

В континентальном праве подход к компенсации морального вреда несколько иной. Здесь преобладает более широкий взгляд на моральный вред, при котором не происходит дробления требований для разных случаев причинения морального вреда. Главной задачей потерпевшего является доказательство того, что произошло умаление его нематериальных благ, независимо от того, какое конкретное действие или бездействие нарушителя к этому привело. Хотя прецедент не служит в континентальной Европе формальным источником права, решения по знаковым

судебным делам принимаются судами во внимание при рассмотрении аналогичных дел.

Сказать, какой подход является оптимальным, довольно сложно, поскольку оба они имеют как свои преимущества, так и недостатки. Российскому праву, конечно, ближе континентальная модель.

— Является ли этот институт права универсальным или имеет национальную специфику?

— В нем присутствуют как универсальные черты, так и национальные особенности. Так, моральный вред, хотя он может называться по-разному в разных странах, везде взыскивается при нарушении нематериальных прав граждан, юридические лица таким правом не обладают. Повсеместно при определении размера компенсации во внимание принимается глубина нравственных и физических страданий потерпевшего, а также учитывается форма вины нарушителя.

В то же время у этого института имеются национальные особенности. В нашей стране, например, крайне низкими являются средние размеры взыскиваемых судами компенсаций и высок процент отказных решений; не развита практика привлечения к ответственности за моральный вред медицинских учреждений; еще хуже обстоит дело со взысканием денежной компенсации за моральный вред, причиненный гражданам государственными и муниципальными органами и организациями.

— Что бы Вы предложили изменить в подходах к компенсации морального вреда в российском праве сейчас?

— Ответ на этот вопрос требует глубокой проработки. Но некоторые изменения можно назвать прямо сейчас. Во-первых, необоснованным является отказ законодателя и судебной практики от взыскания морального вреда, причиненного индивидуальным предпринимателям. Более того, я полагаю, что права на компенсацию нельзя лишать руководителей и собственников хозяйственных обществ, если последние подверглись незаконному преследованию.

Во-вторых, полагаю, следует расширить случаи, когда моральный вред может быть взыскан при нарушении

имущественных прав граждан. Как известно, в настоящее время российское законодательство предусматривает возможность компенсации морального вреда лишь при нарушении предпринимателем имущественных прав потребителя. Этого, на мой взгляд, недостаточно. Необходимо прямо предусмотреть такую возможность также в случаях преступных посягательств на право частной собственности, причем не только тогда, как указал Пленум Верховного Суда РФ, когда утраченное гражданином имущество представляло для него моральную ценность, но и во всех остальных случаях.

В-третьих, совершенно непонятно, почему моральный вред по действующему регулированию может быть взыскан только в денежной форме. Очевидно, что допустимы и другие формы его компенсации, если на этом настаивает потерпевший, а, по мнению суда, причинитель вреда может предоставить компенсацию в натуре, например приобрести определенное имущество или выполнить какие-то работы, принести публичное извинение, в конце концов.

В-четвертых, на мой взгляд, к требованиям о компенсации морального вреда должна применяться исковая давность. Ее можно увеличить, например, до пяти лет, но нельзя держать причинителя вреда в постоянном страхе предъявления к нему иска о компенсации морального вреда.

— Душевное устройство крайне индивидуально. Могут ли быть какие-то универсальные подходы к определению размера компенсации? Нужно нам что-то вроде Миланских таблиц, например?

— Сматря что понимать под универсальным подходом. Если речь идет о критериях, которые учитываются при определении размера компенсации, то они законодательством определены и в этом смысле универсальность достигнута. Так, размер компенсации определяется судом в зависимости от ряда факторов, относящихся как к потерпевшему, так и к причинителю вреда. Применительно к потерпевшему суд должен учесть: характер и глубину причиненных физических и нравственных страданий; индивидуальные особенности потерпевшего и его вину. В отношении причинителя вреда принимаются во внимание степень его вины в тех случаях, когда вина является основанием возмещения вреда; имущественное по-

ложение причинителя вреда и его поведение после совершенного деликта.

Если же под универсальностью понимать конкретные размеры компенсации за различные виды посягательств на нематериальные блага граждан, то их не существует и, на мой взгляд, их быть не должно. Хотя, следует признать, что в отдельных странах применяются одобренные властями размеры компенсации за конкретные виды увечий с разными корректирующими коэффициентами. Но это касается лишь одного из многих случаев причинения морального вреда. Представляется, что речь может идти лишь о методиках определения размера компенсации. Такие методики разрабатывались разными учеными, в частности А.М. Эрделевским, который разработал формулу определения размера компенсации с использованием различных коэффициентов. Однако на практике эта методика широкого признания не получила.

— Каков все же может быть размер компенсации, чтобы быть минимально достаточным?

— Размер компенсации должен быть достойным, чтобы потерпевший был удовлетворен им. Сейчас иногда суды присуждают позорно малые суммы компенсаций морального вреда.

— Можно ли вообще оценить достоинство человека в деньгах?

— Каждый сам оценивает свое достоинство. Один, например, и в суд не пойдет, так как будет считать это ниже своего достоинства. Наверное, человек может удовлетвориться и символической суммой, так как для него факт ее присуждения уже будет достаточным для компенсации ущерба.

— По общему правилу категория морального вреда не применима к юридическим лицам, но есть ИП. Может ли ИП как коммерсант испытывать моральный вред в результате срыва сделки другим коммерсантом или в случае необоснованных претензий к товару со стороны покупателя? Может ли в таких случаях он требовать компенсации морального вреда?

— Я уже сказал, что считаю одним из недостатков действующих правил о компенсации морального вреда

их неприменение к индивидуальным предпринимателям. Обычно такой отказ обосновывается тем, что ИП приравниваются к юридическим лицам, а последним моральный вред не компенсируется, поскольку они не могут испытывать физических и нравственных страданий. Кроме того, указывается на то, что граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью, действуют на началах риска, а значит, должны быть психологически готовы к трудностям и испытаниям. Наконец, суды нередко утверждают, что ИП обладают лишь имущественными правами, а компенсация морального вреда за нарушение имущественных прав допустима лишь в случаях, предусмотренных законом.

На мой взгляд, ни один из приводимых доводов не является убедительным. Гражданин, ставший ИП, не перестает при этом быть человеком, способным испытывать не только физические, но и нравственные страдания.

Что же касается приведенных примеров причинения морального вреда ИП, то они, как мне представляется, не дают права на компенсацию морального вреда. Безусловно, ИП, как, впрочем, и обычный гражданин, может испытывать моральные страдания при срыве сделки по вине контрагента. То же самое может произойти и при конфликте ИП с недобросовестным покупателем. Но в этих случаях нарушается имущественное право ИП, а действующее право не относит этот случай к тем, когда допустимо взыскание морального вреда.

— Можно ли провести аналогию между институтами защиты деловой репутации и компенсации морального вреда? Нужно ли это делать?

— Это хотя и близкие, но все же разные понятия. Деловая репутация — это устоявшееся мнение партнеров и потребителей о деловых качествах граждан, ИП и юридических лиц. Деловая репутация стоит в одном ряду с честью и достоинством граждан, поскольку и то и другое может пострадать из-за распространения недостоверных сведений порочащего характера. В целом им обеспечивается одинаковая защита, за исключением возможности компенсации морального вреда при посягательстве на деловую репутацию юридических лиц. Считается, что нарушением деловой репутации наносится вред имущественным правам

потерпевших, которые могут требовать возмещения этого имущественного вреда.

— Может ли быть причинен вред деловой репутации государства?

— О вреде деловой репутации государства говорить не принято, но я думаю, что такой вред причинен может быть, например, при распространении сведений, его порочащих.

— Кажется, что деловая репутация и честь отличаются от достоинства человека. Честь и деловая репутация — это нечто внешнее, оценка лица другими. Например, в Соборном уложении 1648 года были штрафы за бесчестие, т.е. оскорбление лица, и штрафы эти разнились в зависимости от общественного положения оскорбленного, в диапазоне от 400 руб. за оскорбление митрополита до 1 руб. за «гулящего человека», бродяги. Следовательно, честь и репутация — это нечто, существующее в глазах других людей. В то время как моральные терзания — это то, что остается внутри человека, оно даже не всегда может быть заметно. Можно ли эти явления уравнивать?

— Деловая репутация — это материальное благо, которое можно оценить. А при нарушении имущественных прав моральный вред можно взыскать только в случаях, предусмотренных законом. Честь и достоинство относятся к нематериальным благам. И нарушение прав на них приводит к возникновению такого последствия, как моральный вред, который можно взыскать во всех случаях его причинения.

— В Законе о защите прав потребителей причинение морального вреда потребителю презумируется. Насколько это оправданно, особенно в век потребления? Неужели при каждой покупке, с которой что-то пойдет не так, покупатель испытывает моральный вред? Есть ли еще нормы, которые презумируют причинение морального вреда? Нужно ли законодательно расширить количество случаев такой презумпции?

— Разумеется, далеко не всегда при нарушении прав покупателей последним причиняется моральный вред. Если предприниматель своевременно устраниет последствия допущенного нарушения, да еще и вы-

плачивает потребителю подчас немалый по размеру штраф, едва ли можно предположить, что потребитель испытал из-за нарушения его прав глубокие нравственные страдания.

Тем не менее я считаю, что презумпция причинения потребителю морального вреда является оправданной. Кстати, эта презумпция в законе прямо не закреплена, а действует как фактическая. В отношениях с коммерсантом потребитель является слабой стороной, которая нуждается в дополнительной защите. Кроме того, наличие угрозы обращения потребителя с требованием о компенсации морального вреда стимулирует предпринимателя к проявлению большей заботы о соблюдении потребительских прав. Наконец, это всего лишь презумпция, которая, как и все остальные презумпции, является опровергимой. Если суд полагает, что предприниматель предпринял все зависящие от него меры к минимизации потерь и неудобств потребителя, в связи с чем потребитель особо и не пострадал, то суд может отказать в присуждении компенсации или назначить ее в минимальном размере.

Помимо рассмотренной ситуации презумпция причинения морального вреда действует еще в нескольких случаях. Еще раз подчеркну, что данная презумпция не закреплена законом, а применяется как фактическая. Например, презуммируется, что моральный вред в виде физических и нравственных страданий всегда имеется при причинении вреда жизни и здоровью граждан. Такая же фактическая презумпция действует при распространении в отношении гражданина ложных порочащих его сведений. Факт причинения вреда гражданам незаконными актами правоохранительных органов и судов, перечисленных в ст. 1070 ГК РФ, практически всегда дает потерпевшему право на компенсацию морального вреда.

Что касается возможного расширения сферы действия данной презумпции, то очевидно, что ее давно следует распространить на любые случаи причинения вреда правоохранительными органами и судами, а не только на те, что перечислены в ст. 1070 ГК РФ.

— **Нужно ли сейчас доказывать наличие морального вреда? Помнится, было время, когда в суде тре-**

бовали медицинские справки, свидетельствующие об ухудшении состояния потерпевшего.

— Я думаю, что в любом случае нужно доказывать наличие морального вреда, учитывая, что презумпции у нас в законе не юридические, а фактические. В законах и постановлениях Верховного Суда РФ закреплено только право на компенсацию морального вреда. Презумпция же, как всякое предположение, опровергима. Предполагается, что вред есть, но может быть доказано обратное.

— **Получается, что опровергать должен ответчик. Разве у него есть для этого возможности? Суть презумпции в том, что если нет достаточных доказательств отсутствия вреда, то надо исходить из того, что вред был и его надо возмещать. Понятно, как можно оспорить размер компенсации, но как оспорить факт причинения вреда, например, незаконным увольнением?**

— Полагаю, что это трудно, но все-таки иногда возможно. Например, работодатель может оперативно отменить незаконный приказ, работнику могут быть принесены извинения, могут найтись доказательства того, что работник был даже рад тому, что его уволили, и т.п. Разумеется, презумпция наличия морального вреда при незаконном увольнении облегчает положение потерпевшего, и правильно, что она существует, но ее наличие не должно предрешать исход спора.

— **Опровергая презумпцию и факт причинения вреда, ответчик будет доказывать, что вред мог быть причинен, но он предпринял все действия, чтобы его не возникло. Но люди бывают разной степени чувствительности. Как быть, если пострадавшим в такой ситуации окажется особо тонко чувствующий субъект?**

— Презумпция как раз и предполагает то положение, вероятность возникновения которого наиболее высока. Сейчас законодатель считает, что наиболее высока вероятность причинения морального вреда в соответствующих случаях. Обратное доказывайте.

— **Бывает, что одни деяния полвека тому назад не считались травмирующими и причиняющими моральный вред, а сейчас считаются. Как быть в случаях предъявления требований о компенсации**

морального вреда через значительные промежутки времени, когда социальный и культурный контекст сильно изменился?

— Это непростой вопрос. Я уже говорил, что считаю ошибочным неприменение к требованиям о компенсации морального вреда исковой давности. Обычно неприменение давности при защите личных неимущественных прав обосновывается тем, что эти права являются высшей ценностью. На мой взгляд, это демагогия. Но могут быть случаи, когда исковую давность требуется восстановить. Нормы о восстановлении исковой давности у нас тоже очень несовершенны.

— Должен ли быть разный срок исковой давности применительно к защите различных неимущественных прав?

— Нет, я думаю, это только все усложнит и запутает. Срок может быть больше трех лет, например пять или десять, если хотите, но с возможностью его восстановления в исключительных случаях.

— Поговорим о том, чем Вы много занимались, — о праве интеллектуальной собственности. Оно тоже во многом относится к нематериальному миру людей, но все же охраняются им результаты деятельности человека в виде конкретных объектов, продуктов творческой мыслительной деятельности. Могут ли авторы претендовать на компенсацию морального вреда в случае нарушения их прав интеллектуальной собственности?

— Да, такое право есть у создателей охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности при нарушении их неимущественных прав, т.е. права авторства, права на авторское имя, права на неприкосновенность произведения, права на обнародование и некоторых других. Если же нарушены их имущественные права, которые действующим законодательством объединены в единое и неделимое исключительное право, то у них возникает право на взыскание с нарушителя причиненных убытков, которые среди прочего могут быть взысканы в упрощенном порядке через присуждение компенсации, без необходимости доказывания размера убытков. Как видим, хотя в обоих случаях в законе используется один и тот же термин — «компенсация», эти санкции применяются за разные нарушения. Разумеется, если

одним нарушением затронуты какое-либо из личных неимущественных прав автора и исключительное право, то нарушитель может быть присужден и к компенсации морального вреда, и к выплате компенсации за нарушение исключительного права.

— За счет использования технологий количество продуктов мыслительной деятельности людей увеличивается в колоссальных масштабах. Неужели все эти продукты носят творческий характер и должны защищаться правом? Могут ли быть установлены какие-то объективные критерии творчества? Может, в основу судебной защиты следует положить не критерий творчества, а другой признак: обеспечил ли автор доступность результата для третьих лиц? Стоит ли принципиально поменять подходы к защите авторских прав в условиях тотальной цифровизации?

— Вы задали сразу несколько вопросов, каждый из которых заслуживает отдельного ответа. Разумеется, далеко не все результаты интеллектуальной деятельности носят творческий характер и нуждаются в правовой охране. Более того, даже не все результаты творчества охраняются законом. Это и понятно, поскольку, во-первых, человечество еще не придумало, как это сделать, например как охранять идеи, гипотезы, принципы и т.п., чтобы такая охрана была, с одной стороны, эффективной, а с другой стороны, не была тормозом для научно-технического прогресса. Во-вторых, охрана некоторых творческих результатов может быть признана государством нецелесообразной в силу самых разных причин. Известно, что в некоторых странах, например, не патентуются методы диагностики и лечения заболеваний людей и животных и даже фармацевтические препараты, хотя они и являются результатами творческой деятельности.

Например, в нашей стране частью четвертой ГК РФ закреплен исч�пывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, на которые распространяется ее действие. На мой взгляд, это ошибочное решение, которое привело к тому, что из-под действия правовой охраны оказались выведенными не только некоторые средства индивидуализации, но и отдельные результаты творческой деятельности. Возможно, и не следовало включать в часть четвертую ГК РФ развернутые правила о каждом из них, но было бы правильным

указать в Кодексе на то, что охрана предоставляется и другим объектам интеллектуальной собственности, предусмотренным законом.

Какие-то объективные критерии творчества не могут быть установлены ни законом, ни даже наукой. Попытки определить понятие «творчество» предпринимались многократно, но дальше того, что творчество должно рассматриваться как деятельность человека, порождающая нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью, дело не пошло. Нетрудно заметить, что смысл всех этих слов во многом совпадает. Поэтому следует признать, что каких-либо четких критериев ограничения творческих результатов от нетворческих, кроме приведенных ссылок на новизну, оригинальность, неповторимость и т.п., видимо, и не существует.

Нужно ли на этом основании отказываться от критерия творчества? На мой взгляд, делать этого не следует. Несмотря на всю неопределенность рассматриваемого критерия, он нужен для ограничения результатов творчества от результатов обычной технической работы. И практика с этим худо-бедно справляется, о чем свидетельствует незначительное число споров по поводу того, носит результат деятельности творческий характер или нет.

Что же касается изменения самих подходов к защите авторских прав в условиях тотальной цифровизации, то этот вопрос носит глобальный характер и нуждается в глубоком анализе. Скажу лишь, что совершенно очевидно, что традиционное авторское право, сложившееся в XX веке, несмотря на все попытки его как-то модифицировать, явно не справляется с задачей защиты авторских прав в цифровой среде. Поэтому следует ожидать, что в будущем, действительно, может измениться сам подход к охране авторских прав. В частности, можно прогнозировать, что все шире будет внедряться компенсационный способ выплаты авторского вознаграждения при более свободном доступе к произведениям. Разумеется, традиционное авторское право совсем не отомрет, но существенно сузится сфера его применения, ограниченная привычными способами использования охраняемых произведений.

— Возникает ли моральный вред и у кого именно в случае ложной атрибуции произведения «лите-

ратурного негра», указанием иного известного автора без согласия последнего?

— В данном случае налицо нарушение права на авторское имя, которое носит неимущественный характер, и, следовательно, у потерпевшего возникает право требовать компенсации морального вреда. Причинен ли на деле вред тому, кому приписывается авторство на произведение, в конечном счете должен решить суд, разумеется, с учетом позиции самого потерпевшего.

Помимо нарушения права на имя в данном случае можно также предположить, что нарушено и право авторства, хотя и своеобразным способом, т.е. путем ложного указания авторства лица, не имеющего отношения к созданному произведению. Данное право также является неимущественным, и его нарушение дает право на компенсацию морального вреда.

— Является ли псевдонимом автора средством индивидуализации произведения?

— Думаю, что псевдоним индивидуализирует автора произведения, являясь одним из способов указания авторского имени. Произведение индивидуализирует его название, вид, жанр и, конечно, его охраняемые элементы внутренней и внешней формы.

— Как Вы считаете, почему перестали публиковать произведения под псевдонимом? Кажется, в конце XIX — начале XX века это было весьма распространено.

— Мне кажется, никаких юридических препятствий для использования псевдонимов, конечно, нет. Действительно, они стали применяться реже. Впрочем, говорят, что некоторые авторы из чиновников и в наше время публиковались под псевдонимами, например В.Ю. Сурков. Тут скорее какие-то психологические или культурные причины.

— Почему нет двукратности у компенсации морального вреда, по аналогии с компенсацией за нарушение права на товарный знак?

— Потому что в этом нет никакой необходимости. Закон ведь не содержит конкретных размеров компенсации, которые при определенных обстоятельствах

можно было бы увеличивать вдвое. Суд определяет размер компенсации с учетом всех тех факторов, о которых я говорил выше. Иначе говоря, чем более грубо нарушены неимущественные права и блага потерпевшего, тем большей должна быть и компенсация морального вреда, при этом суд не связан никакими пределами, кроме учета принципов разумности и справедливости.

— Какое направление специализации в гражданском праве Вы бы порекомендовали сейчас практикующим или молодым юристам? Какие темы для научной разработки кажутся Вам сегодня наиболее актуальными? Какими из них Вы занимаетесь сейчас сами?

— На мой взгляд, сейчас у юристов, желающих заниматься частным правом, гораздо больше возможностей реализовать свой потенциал и в науке, и на практике, чем было у моего поколения. Областей, в которых можно специализироваться, довольно много, но важно проявить настойчивость и трудолюбие в освоении избранной сферы права. Тогда появится и интерес к предмету, который, на первый взгляд, может показаться скучным и давно изученным. Но такое мнение обычно складывается у тех, кто имеет лишь самое приблизительное представление о соответствующей области права. Напротив, чем больше погружаешься в предмет изучения, тем больше обнаруживается проблем. Они есть во всех институтах гражданского права, от относительно нового для российского

правопорядка корпоративного права до, казалось бы, изученного вдоль и поперек наследственного права. Выбор конкретного направления специализации зависит от многих факторов, например даже от места проживания. Так, я недавно столкнулся с тем, что в Санкт-Петербурге, где находится один из крупнейших морских портов России, очень трудно найти специалиста не только по морскому праву, но даже и по транспортному праву вообще. А в научном плане транспортным правом, насколько я могу судить, мало кто занимается, хотя в советское время ученых-транспортников было в стране достаточно.

Тем для научной работы существует в избытке. Считаю, что для научного исследования можно избрать любую тему, но, конечно, предварительно изучив то, что уже сделано твоими предшественниками. Мне ближе всего область интеллектуальной собственности, которой я занимаюсь без малого 40 лет. И я вижу, как много проблем еще существует в этой сфере. К счастью, интерес к ней постоянно растет, появляются новые интересные исследования, но уверяю, что проблем хватит на всех, кто решит в ней специализироваться.

Что касается того, чем я сам сейчас занимаюсь, то меня по-прежнему волнуют в первую очередь вопросы интеллектуальной собственности и некоторые другие области гражданского права, в частности вопросы исковой давности. Что получится в итоге, сказать не берусь, но надеюсь, что еще что-то успею сделать.■